

Певческое наследие древней Руси в наше время

Православный портал «Азбука веры» 2023

Певческое наследие древней Руси в наше время

Ощущаем ли мы себя сегодня наследниками древнерусской культуры?

Не растут ли наши дети, будто это не их предки создали «Троицу» Рублева, Новгородскую «Софию» и сокровища знаменного распева? Что мы потеряли, и что приобрели, предав на столетия забвению церковно-певческую и иконописную традиции, в которых жизненно воплотились идеалы Св. Руси?

Отрыв нашей певческой традиции от исконных корней начался более трехсот лет назад. Появилась нотная пятилинейная система и прельстила своим удобством - вечным соблазном Запада. Действительно, пятилинейная нотация, по сравнению с крюковой, легка и «комфортна» в освоении, доступна всякому, любого духа человеку. Но эти пять линеечек, такие удобные для записи музыки инструментальной, оказались не в состоянии вместить многогранное богатство древнерусского богослужебного нения, и с неизбежностью привели к его обеднению. постепенному перерождению и вытеснению музыкой светской.

В знаменной крюковой нотации даже простейшие знаки содержат несколько смысловых уровней. Каждый знак имеет значения длительности и высоты, подобно тому как имеет их и каждая нота. Но, если значение ноты этим исчерпывается, знак знаменной системы содержит в себе еще несколько уровней, очень существенных именно для задач богослужебного пения.

Третий уровень значений проявляет характер исполнения знака. Одна и та же итальянская целая нотка «соль», если ее записать разными знаменами, будет звучать каждый раз по-разному. Если это Стрела – то нужно «потянути». Если Статия – «постояти», если Параклит с оттяжкой – «возгласити светло и сановито». Какое изобилие исполнительских оттенков: «выгнути», «голкнути», «дрогнути», «подробити по строке»... И выбор знака никогда не будет случайным, он всегда обусловлен рядом причин, главная из которых – смысл богослужебного текста. Благодаря этому, исполняя то или иное песнопение по крюкам, мы не можем делать это своевольно – знамена в точности подскажут нам, как нужно спеть, чтобы,

увлекшись собственным чувством, не впасть в погрешность по отношению к словесному тексту. Все акценты уже расставлены монахом - распевщиком. Знамена говорят нам: "Толковать так, а не иначе". Таким образом, они выполняют по отношению к богослужебному слову функцию предания (поскольку толкование писания есть область предания), определяя некий, подобный иконописному, канон.

И, наконец, о четвертом уровне значений, напоминающем церковному певчему о его главном делании. Это - смысловая вершина знака, его нравственное богословие:

статия светлая с сорочьей ножкой - сребролюбия истинная ненависть

стопица - смиренномудрие в премудрости

Практический опыт пения по крюкам наводит на мысль, что генетическая память действительно существует. То, что многие века наши предки пели этим распевом - несомненно помогает и сегодня чутко воспринимать его красоту.

Человек, согласно святоотеческому учению, трехсоставен: дух, душа, тело. Музыка – поскольку это язык – обращается преимущественно либо к духовной, либо к душевной, либо к телесной сущности человека. Условно говоря, каноническое богослужебное пение обращено к духу, почти вся классическая музыка сродни душевному и, начиная с джаза, музыкальный язык популярного направления все более активно направлен на резонанс (диктат) телесного. (Не будем касаться здесь вопроса о способности музыки быть носителем начала демонического).

Музыкальный язык канонического богослужебного пения, благодатно зарождавшийся в недрах православного богослужения, всегда действенно способствует собранности ума, побуждая его тесным нерассеянным путем следовать слову. Но эта связь со словом осуществляется не через эксплуатацию эмоций (католическая экзальтация), а духовно. Каждой своей интонацией, отбиравшейся веками в соборном молитвенном делании, он служит пробуждению и взращиванию духовного человека, приводя в подчинение ему человека душевного и телесного.

Когда мы оставили свое древнее богослужебное пение, и, вместе с пятилинейной нотацией в наши храмы проникли мелодии внебогослужебного происхождения – чисто душевные, сентиментальные, и даже оперные – в триединство слова, распева и образа вкрался разлад. Богослужебное слово церковно-славянского

языка сохранилось в своей духовной чистоте, а музыкальное и, одновременно, изобразительное искусство захватила душевно-эмоциональная стихия, не знающая никаких канонов. Слово, музыка и образ заговорили на разных языках. Потеря внутреннего единства расстроила воздействие целого. Музыка вышла из подчинения слову, все больше отвлекая от него внимание и переводя на себя.

Растущий разлад между языками музыки и слова - небезобиден. Воспринимаемый подсознательно, он способен оборачиваться смешением и подменой понятий во внутренней жизни человека.

Противоречие этих двух языков мы не всегда ощущаем. Увы, оно становится очевидным для многих только в своих крайних проявлениях: не кощунствует ли музыка над словом, когда рокансамбли надрывно распевают «Аллилуйя»? Таковым оказался уже за стенами православного храма конечный результат все того же расцерковления музыкального языка, все того же распада. Но на подступах к этому конечному результату мы обретаем песнопения с гармонией романтического, и иногда даже почти джазового стиля – увы, звучащее в храме! (Далеко ли до гитары?) Слово можно раскрасить музыкой в любой цвет, заземлив и исказив смысл до неузнаваемости.

Привлечение современного музыкального языка с целью сделать смысл слова более доступным всегда чревато этой подменой. Поэтому использование богослужебных текстов во внецерковном творчестве – например в эстрадном (бардовском) жанре (если только это может быть оправдано целью проповеди) не приносит ли больше вреда, чем пользы?

Но будем помнить, что начало этого пути в отступлении от канонического знаменного (столпового) распева, в котором музыкальное начало подчинялось и вторило слову, усиливая его, - и принятии в Церковь инородной музыки, о которой святой патриарх Ермоген говорил: "Терпеть не могу латинского пения на Руси".

<u>Расцерковление</u> языков музыкального и иконописного искусства возникло как проявление болезни расцерковления духовного.

Каноническое искусство - это сила центростремительная, по отношению к Истине. В нем сокрыта всякому ищущему великая

помощь.

Народу стремящемуся укорениться в Истине - зачем использовать средства заведомо центробежно от нее уводяще?

Иеродиакон Герман, регент Валаамского монастыря:

- В чем особенность исполнения церковных песнопений?
- В храме богослужебное пение создает особый молитвенный настрой у молящихся, способствует их внутренней молитве. В Валаамском монастыре с непростой тысячелетней историей традиционно пели древнерусским знаменным (столповым) распевом. В Уставе монастыря записано: «Пение же да будет столповое беспременно».

Очень многие люди не воспринимают церковное пение из-за некачественных записей, где практически невозможно разобрать слова, в результате непонятен смысл. Поэтому мы стали записывать песнопения в студийных условиях, с соблюдением всех требований высококачественной профессиональной записи. Для любого человека, в особенности для монаха, исполнение церковных песнопений – прежде всего молитва. Нам было важно донести текст, в котором заложен дух церковной молитвы, и сделать это в такой форме, которая максимально подчеркивала бы слово.

- В чем суть знаменного пения?
- Знаменное пение духовно поддерживает текст. В этом и заключается глубина древнего знаменного распева. Поздние распевы, которые пришли с Запада, слишком примитивны в этом плане.

Каждый знак (знамя) знаменной нотации – это символ, в котором заложен глубочайший смысл. Этот знак говорит нам, как нужно петь данное слово или звук интонационно и как нас при этом должно быть духовное настроение, что мы при этом должны помышлять, какое состояние духа должно у нас быть. Скажем, знак «стрела» – это полет к небесам, а «статия» требует от нас войти в состояние достигнутого покоя. Есть некие акценты или остановки мысли на каких-то ключевых словах, дабы молящийся имел возможность более глубоко вникнуть в значимость того, что поется. В таких случаях слово распевается продолжительной музыкальной фразой, украшенной

множественными узорами.

Очень хорошо о древнем знаменном распеве еще в середине девятнадцатого века сказал Игнатий Брянчанинов: «Тоны этого напева величественны, протяжны, заунывны, изображают стоны души кающейся, воздыхающей в стране своего изгнания о блаженной, желанной стране радования вечного, наслаждения чистого, святого... Эти тоны то тянутся плачевно, тоскливо, как ветер пустынный, то постепенно исчезают, как эхо среди скал и ущелий, то гремят внезапно...»

Сейчас в Церкви, к сожалению, устоявшаяся традиция – это многоголосное гармоническое пение, которое родилось на Западе и пришло из католического Рима. Эта новая музыка наполовину немецкая, наполовину итальянская. В Русской Православной Церкви, да и в древней западной, никогда не было никакого многоголосия. Скажем, древневизантийский распев был либо одноголосным либо с исоном, т.е. с низким подголоском. Это когда целая группа певчих «тянет» один какой-то устоявшийся звук, а над ним более искусные певцы поют мелодию. В Риме существовал до разделения церквей Григорианский хорал. В исконном своем виде он тоже одноголосный.

В древней Церкви никогда не было музыкального услаждения. Сама структура гармонических песнопений уже предполагает некое услаждение, отвлечение от молитвы. Другими словами, человек приходит в церковь послушать музыку. Этого не должно быть. Конечно, пение должно быть красивым, но оно не должно отвлекать на себя внимание приходящего в церковь, наоборот, должно поддерживать в человеке его молитвенное состояние, помогать ему молиться. Молитва – это моление, это просьба, здесь не может быть никакого пафоса.